

Ситора ЧОРШАНБИЕВА

студентка

Узбекский государственный университет

мировых языков

СПЕЦИФИКА АНТИЧНЫХ ОБРАЗОВ И МОТИВОВ В ПОЭЗИИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

Ушбу мақола Осип Манделъштам шеърятдаги антик мотив ва образларнинг ўзига хосликларини ўрганишга бағишланган. Муаллиф антик образларнинг шоир томонидан талқин этилиши, лирикасига Овидий ижодининг таъсири ҳамда унинг «Tristia» тўпламидаги Овидий реминисценцияларини кўриб чиққан. Шеъринг матнлар матн параллели методи ёрдамида семантик аспектда таҳлил қилинган.

Статья посвящена изучению специфики античных мотивов и образов в поэзии Осипа Манделъштама. В статье рассматриваются: интерпретация поэтом античных образов, влияние творчества Овидия на лирику поэта, овидиевские реминисценции в сборнике Осипа Манделъштама «Tristia». Проведен анализ поэтических текстов в семантическом аспекте с применением метода текстовых параллелей.

Given article is devoted studying of specificity of antique motives and images in poetry of Osip Mandelshtam. In article are considered: interpretation by the poet of antique images, influence of creativity Ovidius on lyrics of the poet, Ovidius reminiscences in collection of Osip Mandelshtam «Tristia». The analysis of poetic texts is spent in semantic aspect with application of a method of text parallels.

Калит сўзлар: антик, интерпретация, реминисценция, аллюзия, мотив, образ, эстетик тушунча.

Ключевые слова: античность, интерпретация, реминисценция, аллюзия, мотив, образ, эстетическая концепция.

Key words: antiquity, reminiscence, interpretation, motive, image, the aesthetic concept, intimation.

Известный русский филолог Алексей Лосев справедливо заметил, что «каждая эпоха старалась найти в античности для себя оправдание и опору» (1). Серебряный век русской литературы стал одной из эпох пристального внимания к античной культуре и наследию. Именно в этот период активно стали издаваться полные переводы произведений многих античных авторов,

среди которых Софокл, Эсхилл, Еврипид и многие другие. Таким образом, культура древней Эллады и Рима становятся предметом внимательного изучения русских поэтов, писателей и филологов. Возникает новое переосмысление античных идей, вследствие чего появляются новые философские концепции. Возвращаясь в русскую литературу, античность становится неотъемлемой частью творчества писателей и поэтов-модернистов. Они создают новые произведения, интерпретирующие традиционные античные мотивы, появляется множество работ, которые посвящены изучению античной литературы, на сценах русского театра ставятся античные пьесы и трагедии современных авторов, написанные на основе сюжетов древнегреческих мифов. Так, в русскую литературу XX века проникают корни древнего античного наследия, оказывающего большое влияние на дальнейшее развитие русской литературы и искусства.

Одним из ярких поэтов этого периода является Осип Эмильевич Мандельштам, чье творчество вобрало в себя все части этой многогранной и богатой культуры.

О личности поэта метко выразился Георгий Адамович: «Он (*Мандельштам*) может надолго, и даже, пожалуй, навсегда, остаться поэтом “для немногих”, — хотя, надо надеяться, эти “немногие” не дадут себя смутить или переубедить скептическим недоумением так называемой “толпы”» (2).

Большое влияние на формирование его эстетической концепции повлиял «Цех поэтов». Программа акмеизма для него – это конкретность, преодоление хрупкости человека и косности мироздания через творчество, когда поэт уподобляется зодчему. Так сказал Георгий Адамович о своеобразии поэтического мира поэта: «... нет мира мандельштамовского... Невольно останавливаюсь и спрашиваю себя: что же есть? Мира нет, — что же есть? Есть скорее “разные стихотворения”, чем поэзия, как образ бытия, как момент в истории народа и страны, есть только разные, разрозненные стихотворения, — но такие, что при мысли о том, что их, может быть, удалось бы объединить и связать, кружится голова. Есть куски поэзии, осколки, тяжелые обломки ее, похожие на куски золота, есть отдельные строчки, — но такие, каких в наш век не было, ни у одного из русских поэтов, ни у Блока, ни у Анненского. “Бессонница. Гомер. Тугие паруса...” — такой музыки не было ни у кого, едва ли не со времени Тютчева, и что ни вспомнишь, все рядом кажется жидковатым. Когда-то, помню. Ахматова говорила, после одного из собраний “Цеха”: “Сидит человек десять-

двенадцать, читают стихи, то хорошие, то заурядные, внимание рассеивается, слушаешь по обязанности, и вдруг какой-то лебедь взлетает над всеми — читает Осип Эмильевич! ”» (2).

Лирика Осипа Манделъштама является доказательством того, что литература не может быть отделена от жизни и развития другой литературы. Одним из главных столпов творчества Манделъштама является «эллинистичность» русской поэзии XX века. Данную теорию он в деталях излагает в своей статье «О природе слова». В данной статье он раскрывает свою эстетическую концепцию «эллинизма»: «Эллинизм — это сознательное окружение человека утварью вместо безразличных предметов, превращение этих предметов в утварь, очеловечение окружающего мира, согревание его тончайшим телеологическим теплом... Эллинизм — это система в бергсоновском смысле слова, которую человек разворачивает вокруг себя как веер явлений, освобожденных от временной зависимости, соподчиненных внутренней связи через человеческое Я» (3).

По мнению поэта, античные образы и мотивы являются «проводниками» из прошлого в настоящее. Одной из главных заслуг поэта является тот факт, что он интерпретировал эти образы совершенно по новому, придавал им иную окраску и толкование. Так появляются «личные» манделъштамовские античные образы такие, как «*Психея – жизнь*», «*слепая ласточка*», «*негодующая Федра*» и другие.

Основным элементом в осмыслении Манделъштамом эллинизма является слово. Используя определение самого поэта, «слово, в эллинистическом понимании есть плоть деятельная, разрешающаяся в событие»(3). Его «можно рассматривать не только как объективную данность сознания, но и как органы человека, совершенно так же точно, как печень, сердце»(3). Можно понимать его и как «живое слово», которое блуждает вокруг вещи «свободно, как душа вокруг брошенного, но не забытого тела»(4). Слово, как оно определено в вышеназванных цитатах, — многократно встречающийся мотив в манделъштамовских стихотворениях.

«Эллинизм» в понимании Манделъштама уподобляется «филологизму», т.е. «любовью к слову». По мнению Манделъштама, природа «слова» — «эллинистическая», «слово» является величайшим и бесценным сокровищем русской культуры. Именно слову во времена цивилизации Рима и Эллады принадлежала роль главного средства выражения мысли и познания мира.

Огромное значение в контексте творчества Манделъштама имеют овидиевские реминисценции. Сборник стихотворений «Tristia» стал средоточием античности в поэтическом мире поэта. Само название сборника отсылает нас к одноименной книге римского поэта Овидия, известной как «Скорбные элегии». Л.Я. Гинзбург так пишет в своей статье «О лирике» про «эллинизм» у поэта: «В сборнике “Tristia” “классичность” Манделъштама находит свое завершение... Эллинский стиль не служит уже созданию образа одной из исторических культур, он становится теперь авторским стилем, авторской речью, вмещающей весь поэтический мир Манделъштама»(5).

Итак, первоисточником является римский поэт Публий Овидий Назон, который был сослан императором в 8 г. н.э. на территорию, близлежащую к Черному морю. Подобно Овидию, Манделъштам в своем сборнике обращается к теме изгнания. Поэт – изгнанник, страдающий за «слово» – это можно сказать и про Манделъштама.

В стихотворении «Tristia», которое и дало название сборнику, поэт проводит некую параллель между стихотворением из сборника Овидия. Сравним строфы Овидия и стихотворение Манделъштама «Tristia» («Я изучил науку расставания...»):

*Я изучил науку расставанья
В простоволосых жалобах ночных.
Жуют волы, и длится ожиданье —
Последний час вигилий городских,
И чту обряд той петушиной ночи,
Когда, подняв дорожной скорби груз,
Глядели вдаль заплаканные очи,
И женский плач мешался с пеньем муз(6).*

У Овидия:

*Только представлю себе той ночи печальнейший образ,
Той, что в Граде была ночью последней моей,
Только лишь вспомню, как я со всем дорогим расставался, —
Льются слезы из глаз даже сейчас у меня(7,10).*

Таким образом, можно провести следующие параллели. Во-первых, «наука расставанья» у Манделъштама является антитезой «науке любви» у Овидия.

Во-вторых, хоть во втором стихотворении и нет упоминания о Риме, но на его присутствие указывает латинское слово *вигилии* (*vigiliae* – бодрствование накануне религиозного праздника), подразумевающее римскую ночь.

В-третьих, строки последней строфы Мандельштама: «... и женский плач мешался с пеньем муз» перекликается с овидиевской: «... слезы перемешала свои с горечью слез». «Плач» в данном случае играет роль не только женских рыданий, но и траурной песни. Во времена Овидия изгнание из родного города было сродни смертной казни потому, что о дальнейшем возвращении не могло быть и речи. Изгнанник для Овидия — это вечный Одиссей без Итаки, без жилища, без алтаря и без урны с прахом отцов. Сам римский поэт изобразил свое расставание как смерть: «*Будто бы дом голосил на погребенья моем*», «*Вышел я так, что казалось, меня хоронить выносили*» (7,11–12).

Последняя строфа стихотворения Мандельштама является античным элементом быта Древней Греции:

*Да будет так: прозрачная фигурка
На чистом блюде глиняном лежит,
Как беличья распластанная шкурка,
Склонясь над воском, девушка глядит.
Не нам гадать о греческом Эребе,
Для женщин воск, что для мужчины медь.
Нам только в битвах выпадает жребий,
А им дано гадая умереть.*

В греческом быту восковыми фигурками украшали комнаты и какие-либо помещения. Такие фигурки чаще всего изображали Гекату, Эреба и использовались в гадании и колдовстве. Используя эту деталь, поэт показывает читателю основу греческой жизни, т.е. удел гречанки вести спокойную тихую жизнь, а мужчина решает свою судьбу на поле битвы.

Так, с помощью маленькой детали Мандельштам сумел воссоздать особенности жизни во времена античной эпохи.

Таким образом, исходя из всего, можно смело утверждать, что творчество Овидия представлено неким измененным, трансформированным в лирике Мандельштама. Заимствовав мотив у римского поэта, Мандельштам по-новому интерпретировал его, наделил его иным художественным смыслом и звучанием. Но одно остается неизменным – «*дорожной скорби*

грусть» – для обоих поэтов стала не только наказанием, но и вдохновением: «Достаточно маленькой чужеземной прививки для этой восприимчивой языковой культуры, чтобы “расставанье”, “простоволосых”, “ожиданье” стали латынью вроде “вигилий”(8).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. <http://www.psylib.org.ua/books/lose000/txt005.htm>
2. http://www.royallib.com/book/adamovich_georgiy/neskolko_slov_o_mandelshtame.html
3. <http://www.silverage.ru/main.html>
4. Мандельштам О. Слово и культура // Мандельштам О.Э. Сочинения. В 2-х т. Т.2. Проза. – М.: Худож. лит., 1990. – С.167–171.
5. <http://www.belousenko.com/books/litera/gin>
6. Здесь и далее текст цитируется по http://www.royallib.com/mandelshtam_osip/TRISTIA.html
7. Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта (Пер. М. Гаспарова и С.Ошерова). – М., 1982. – С.10–12.
8. http://www.royallib.com/book/tinyanov_yuriy/poetika_istoriya_literaturi_kino.html